

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

УДК 821.531

А. А. Гурьева

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Принятая в мировом корееведении и обоснованная в отечественной науке точка зрения на периодизацию традиционной корейской литературы, следующая принципу деления литературы на периоды в соответствии с периодами историческими, развивается в данной статье в определенном ракурсе: в работе делается попытка рассмотреть периодизацию корейской литературы до XX в. в связи с ее характерными особенностями. В качестве таковых выделены особенности, которые представляются автору основополагающими: двуязычие корейской литературы и собственные корейской культуре представления о тексте как сакральном инструменте воздействия на мир. Обе указанные особенности сопряжены с хронологической проблематикой, и в работе характерные черты каждого периода развития корейской традиционной литературы прослеживаются через призму этих факторов. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: корейская традиционная литература, периодизация литературы, двуязычие корейской литературы, функция текста в корейской культуре.

ON THE ISSUE OF HISTORY OF KOREAN TRADITIONAL LITERATURE PERIODIZATION

A. A. Guryeva

St.Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation

The paper deals with the issue of Korean traditional literature periodization. Following the common approach that history of Korean literature periods coincides with periods of Korean history (the approach shared and generally explained by Russian scholars), the author makes an attempt to develop this point of view by analyzing the periodization of Korean literature in relation with its principal specific traits. The following traits are chosen for analysis. 1. The dual-language character of Korean literature using the Korean language as well as in the Korean version of Classical Chinese (hanmun) and therefore represented by two major groups of literature. The hierarchy in these two groups depending on the historical periods is the first aspect traced in the paper. 2. The idea of a text being a sacred tool of positive influence on the Universe, which may be found from the ancient times up to today. In each period of time this function of the text is understood as specifically affecting such factors as spheres of texts dissemination, a place of literature texts in the culture of each period etc. As both traits relate to chronological issues, specifics of each period of Korean literature development are considered through these lenses. Refs 16.

Keywords: Korean traditional literature, literature periodization, dual-language character of Korean literature, function of text in Korean culture.

* Работа выполнена по гранту 2.38.44.2011 «Сравнительные исследования парадигм художественно-литературных доминант стран Азии и Африки (диахронический аспект)».

Как правило, в мировом корееведении используется принцип деления литературы на традиционную (до XX в.), новую (первая половина XX в.) и современную литературу (начиная со второй половины XX в., после освобождения страны от японского колониального режима в 1945 г.). Периодизация традиционной литературы осуществляется в соответствии с историческими периодами, выделяемыми по принципу правления той или иной династии и в отношении которых в отечественной науке в целом достигнуто согласие. Такой принцип следует традиции корейского литературоведения и основывается на том, что формирование и развитие тех или иных явлений литературы связано с особенностями соответствующего исторического периода.

В отечественном корееведении вопросу периодизации литературного процесса посвящена статья М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич «Периодизация средневековой корейской литературы». В ней авторы предложили подход к делению на периоды, в основе которого лежат особенности изображения человека [1]. Еще один пример периодизации литературного процесса в Корее — энциклопедический труд «История всемирной литературы», в котором литература всех представленных в нем народов разделена по векам [2]. В своем труде «История корейской литературы до XX века» (2004) А. Ф. Троцевич специально останавливается на проблеме периодизации. Для своей монографии она использует «династийный» принцип, обосновывая это тем, что «в Корее воцарение новой династии всегда было связано с периодом смут и перемен в духовной жизни страны. Литература <...> жила в русле этих перемен, а подчас и предвосхищала их» [3, с. 3]. Соответственно, в «Истории...» рассмотрение каждого периода вписано в исторический фон эпохи.

В развитие данной точки зрения в статье будет сделана попытка рассмотреть периодизацию корейской традиционной литературы в связи с ее характерными особенностями. В качестве таковых мы выделили особенности, которые представляются нам основополагающими для корейской литературы:

1. Двужычие корейской литературы. На протяжении веков в корейской литературе формируются два обширных пласта литературы: литература на китайском языке (*ханмуне* 한문 — кореизированном варианте китайского литературного языка) и литература на родном языке. Каждому из корпусов текстов свойственны свои законы, своя сфера функционирования. В историческом плане между литературой на китайском и литературой на родном языке можно обнаружить определенную иерархию, которая может меняться в соответствии с периодами развития литературы. Подробнее эта тема будет рассмотрена ниже.

2. Свойственные корейской культуре представления о тексте как сакральном инструменте воздействия на мир¹ (например, текст может поддерживать или корректировать состояние Космоса). Однако в различные исторические периоды эта функция текста представлена в литературе по-разному. Соответственно, можно сказать, что с данной особенностью связаны и такие более частные факторы, как сфера бытования текстов, место текстов в культуре каждой эпохи, которые также могут служить принципу периодизации литературного процесса.

Обе указанные особенности сопряжены с рассматриваемой в статье хронологической проблематикой. Данная работа представляет собой попытку проследить

¹ Эти представления детально описаны в [4].

характерные черты каждого периода развития корейской традиционной литературы через призму этих факторов. В соответствии с выбранным нами подходом будет отдельно рассматриваться каждый исторический период.

1. Ранний период — период Трех государств (57 г. до н.э. — 918) и Объединенного Силла (668–918)

Оба названные выше фактора влияют на особенности корейской литературы, начиная с раннего этапа ее развития. От этого периода сохранилось сравнительно мало текстов. Большинство из них известно по более поздним источникам, в состав которых они вошли, или только по названиям.

Насколько можно судить по дошедшим до наших дней образцам, в центре внимания текстов раннего периода оказывается тема устройства общества и фигура правителя — человека, способствующего этому устройению. Эта тема развивается в эпических сочинениях, повествующих о происхождении государств: как показала А. Ф. Троцевич, на первый план в них выдвигается фигура основателя, который призван организовать неустроенный народ [3, с. 12]. Та же тема является основой конфуцианской биографии, предлагающей модель образцовой личности. Традиция этого жанра утверждается в первые века нашей эры. К этому типу сочинения относится самый древний из дошедших до нас в оригинале текст (414 г.) — высеченные на стеле сведения о государе Когурё Квангэтхо-ване (廣開土王陵碑) (391–412).

Сохранившиеся от раннего периода поэтические тексты на корейском языке занимают схожими вопросами: поэзия оказывается введенной в государственный ритуал с первых веков ее зарождения.

По мере того, как происходит процесс объединения страны под властью одного государства (VII в.), в литературе вырабатывается модель взаимодействия человека и общества. Социально значимое лицо (герой первых веков н.э.) по-прежнему в центре — развивается идея его связи с социумом. Как показывает М. И. Никитина, в литературе Объединенного Силла оно мыслится тождественным обществу и Космосу в целом. В связи с этими представлениями формируется понятие «облика» (совокупность внешних, нравственных характеристик личности и ее взаимосвязей) социально значимого лица как воплощающего ситуацию в государстве и мир в целом, а текст, воспроизводящий в слове этот облик, способен воздействовать на его состояние [4, с. 12–13]. С организацией, поставившей кадры государственному аппарату (так называемые *хвараны* 花郎 — «юноши-цветы»), связано развитие литературы на родном языке², а именно поэзии *хянга* 향가 鄉歌 в которой сформировалось и получило выражение: описанное выше миропонимание (авторами значительного количества *хянга* были *хвараны*). Акт сочинения текста представлен как ритуальное действие: текст способен образумить разбойников, отогнать от дома духа болезни, скорректировать поведение государя [4, с. 12–13].

Соответственно, древние представления о возможностях текста воздействовать на мир вписываются в мировоззренческую систему, обеспечивавшую функ-

² Следует отметить, что именно в этот период разрабатываются системы для записи текстов на родном языке, объединенные названием *иду* (吏讀 «чиновничье письмо»). Разработка *иду* приписывается Соль Чхону 薛聰 (660–730). В основе *иду* лежит китайская иероглифика, при этом используется как лексическое значение иероглифов, так их звучание.

ционирование общества. В рамках этой системы регулируются взаимоотношения в социуме между «старшим и «младшим», понимавшиеся как основа благополучия общества. Именно в связи с этими взаимоотношениями выделяется особая роль текста, при помощи которого младший мог закрепить идеальное состояние облика или скорректировать его в случае необходимости. При этом в качестве старшего мог выступать наставник, государь и даже Будда. Многие образцы *хянга* введены в прозаическое обрамление, в частности, сообщающее об истории их создания. Согласно этим повествованиям способность сочинять *хянга* высоко ценилась правителями, по заказу которых могли быть сложены.

Поэзия на родном языке, таким образом, служит ритуальной поддержкой государству. В сохранившихся текстах раннего периода развития корейской литературы эта функция текста представлена как основная. Идея связи между созданием текста и его воздействием на мир часто является ключом к пониманию не только самого стихотворения, но и его прозаического обрамления.

В прозаических обрамлениях *хянга* приведены также сведения об их сочинителях — *хваранах*. Примечательно отличие таких историй, связанных с местной традицией, от сложившейся в китайской традиции конфуцианской биографии. Притом что эти жизнеописания поэтов сохранились в более поздней записи на *ханмуне*, они построены иначе — словно диптих, в котором структурообразующую роль играет поэтический текст [5, с. 20]. Центральная фигура истории представлена в двух планах — в контексте взаимоотношений с учениками (этим взаимоотношениям здесь отводится особое место) и в связи с поэтическим текстом, который выступает как инструмент урегулирования описываемой в истории проблемы.

Если сохранившиеся тексты на корейском языке были призваны обеспечить государственный ритуал, вырабатывали собственные модели, литература на *ханмуне* периода Объединенного Силла сопряжена с процессом развития традиций изящного слова. Так, к изящной словесности относится сюжетная проза раннего периода, дошедшая до наших дней преимущественно в записях историков последующей эпохи. К этому периоду относится и развитие поэзии на китайском языке, появление ряда имен поэтов, сочинявших тексты по правилам китайского стихосложения в соответствующих жанрах. Примечательно, что поэзия на *ханмуне* также обращается к проблематике поддержания государственных устоев. Поэт IX в. Чхве Чхивон 崔致遠 (857–?), который входит в число знаменитых литераторов не только Кореи, но и Китая, где он учился и много лет служил, посвящает отдельный цикл типам личности, которые являются опорой государства (государственный деятель, стрелок, поэт и каллиграф) [6, с. 144]. В поэзии на китайском языке выявляется схожее восприятие функции текста, что и в поэзии на родном языке. Существует и пример того, что поэтический текст мог служить своего рода ритуальным актом, направленным на установление гармонии в отношениях двух государств, — это преподнесенное корейской государыней императору государства Тан стихотворение, которое она вышила на куске шелка [3, с. 36]. Владение изящным словом, сочинение произведений «высокой» литературы понималось как знак цивилизованности. Соответственно, в действиях государыни можно усмотреть желание продемонстрировать умение слагать стихи и тем самым представить свое государство на достойном уровне.

Подводя итоги, можно сказать, что в рассматриваемый период тексты на родном языке обслуживали государственный ритуал, понимание их функции как сакраль-

ной является смыслообразующим элементом. Они сопряжены с мировоззренческой системой, сложившейся в лоне корейской культуры. Литература же на *ханмуне* представляет изящную словесность. Она формируется преимущественно на основе китайской традиции, заимствуя как формальные, так и художественные особенности.

При этом отношении к тексту как к источнику благотворного влияния на мир прослеживается в обоих типах литературы. Различие между двумя группами текстов закреплялось терминологически: корейская ритуальная поэзия носила название «песен родной стороны» *хянга* 鄉歌 в противовес *танси* 唐詩 («поэзия государства Тан») — группе текстов, написанных на китайском языке.

Однако в период Объединенного Силла закладываются основы для определенного доминирования китайской традиции в последующую эпоху: талантливые молодые люди, будущая интеллектуальная элита, отправлялись на обучение в Китай, воспринимая и перенимая китайскую традицию, в частности традицию изящного слова.

2. Эпоха Корё (918–1392)

В последующую эпоху Корё происходит расцвет литературы на китайском языке, и литература на родном языке отходит «в тень». Постепенное смещение фокуса на «китайское» приводит к многообразию заимствованных из китайской традиции явлений. Например, на основе классической биографии развивается такой тип произведений, как «псевдобιοграфия» — аллегорические тексты, в которых с соблюдением структуры биографии в ее традиционном виде описывается история определенного персонажа не из мира людей. Корейские авторы создали биографии вина, денег, бамбука. Развивая таким образом возможности жанра, авторы корейских псевдобιοграфий опирались на опыт китайских литераторов, создавших этот новый тип текстов [3, с. 90].

Еще один пример обращения к китайской модели — литература *пхэсоль* (괘설 稗說 «пустяковые речения») — жанр, включающий в себя тексты разного типа: очерк, анекдот, воспоминание, рассуждение о поэзии и др. Многие из авторов *пхэсоль* исходят из стремления сохранить для потомков тексты, дошедшие из прошлой эпохи или современные им. *Пхэсоль*, посвященные поэзии, представляют собой наиболее ранние сохранившиеся до сего дня примеры аналитического подхода к тексту, восприятия текста как объекта комментирования. Соответственно, можно предположить, что рассуждения о поэзии являются первыми сохранившимися литературоведческими опытами.

Развитие литературы на китайском языке проявляется и в создании в эпоху Корё исторических и агиографических сочинений (от подобных памятников предыдущей эпохи остались только названия). Будучи написанными на китайском языке, эти сочинения во многом обнаруживают «корейский» подход их авторов. Так, «Исторические записи Трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145), написанные по образцу «Исторических записей» Сыма Цяня (145?–86? до н. э.), — это, в частности, попытка их составителя Ким Бусика 金富軾 (1075–1151) представить корейское государство как имеющее чудесное происхождение и поддержанное небесным мандатом. В своем труде Ким Бусик также касается вопроса функции текста, отмечая, что сочинения должны иметь назидательную функцию. Такое видение соответствует сложившейся корейской традиции восприятия текста.

«Местный элемент» прослеживается в литературе на *ханмуне* на различных уровнях. Так, в глубинном слое повествований, которые вошли в состав написанных на китайском языке исторических сочинений, можно обнаружить следы ритуальных текстов. К таковым относятся, например, тексты буддийского характера из исторического сочинения монаха Ирёна 一然 (1206–1289) «События, опущенные в “Исторических событиях Трех государств”» 三國遺事 (1285). Такие тексты дают пример характерного и для корейской культуры наложения буддийского учения на местную традицию, использования буддизмом элементов местных верований [7, с. 10].

Эпоха Корё — период расцвета поэзии на *ханмуне*. До наших дней дошло множество имен авторов и сборников стихотворений. Существовали творческие объединения литераторов, в которые могли входить представители нескольких поколений интеллектуальной элиты страны. Притом что деятельность таких обществ ассоциировалась с вольным образом жизни, многие из их членов были видными государственными деятелями. Творчество некоторых из них отличает широкий тематический диапазон (например, Ли Кюбо 李奎報 (1169–1241)). Как правило, из-под кисти мастеров слова выходили произведения различных жанров, как поэтических, так и прозаических. Это связано с четким размежеванием сфер использования двух языков. За произведениями на *ханмуне* закрепляется роль «изящной литературы», к тому же *ханмун* становится языком официальной государственной сферы.

В литературе на родном языке наблюдаются определенные изменения. В поэтических произведениях, объединенных названием Песни эпохи Корё (高麗歌謠 *Корё каё*), модели, которые в предыдущую эпоху использовались для ритуальной поддержки государства, могут использоваться для описания личного. Новой для поэтических текстов на корейском языке становится любовная тематика. Вместо социально значимого лица — центральной фигуры раннего периода — на первый план в текстах выступает возлюбленный лирической героини, большинство стихотворений написано от имени женщины. Вместе с тем ритуальное назначение текстов сохраняется: многие *Корё каё* направлены на укрепление связи между мужчиной и женщиной, которому способствуют сакральные возможности текста. Совместное же существование мужского и женского начал поддерживает жизнедеятельность космоса [4, с. 273].

Ряд текстов обнаруживает связь с так называемыми весенними ритуалами, направленными на поддержание плодородия [3, с. 100]. Вместе с ритуальными моделями тема частной жизни человека воспринимает и отношение к тексту как к инструменту воздействия на мир. Это представление ложится в основу новых приемов, таких как, например, включение в текст архаичных мифологических элементов. На них строится идея закрепления связей между лирической героиней и ее любимым при помощи особого изображения реальности в тексте стихотворения [4, с. 242].

Примечательно, что разница между языком произведений в литературе на корейском языке и литературе на *ханмуне* повлияла на формирование различий в подходе к предмету изображения и подаче материала. В пользу данного утверждения говорит факт сочинения одним и тем же человеком в одно и то же время по одному и тому же поводу двух параллельных текстов на двух разных языках. Как повествуют исторические записи, в 1120 г. государь Ечжон (1106–1122) посвятил известному из истории героическому подвигу двух военачальников два стихотворения: на китайском языке и на корейском. При их сопоставлении становится очевидным

принципиальное различие в подаче одной и той же темы: текст на китайском изобилует подробностями, описывающими произошедшее событие; текст на корейском не касается обстоятельств происшедшего, но написан в соответствии с ритуальной традицией предшествующей эпохи, согласно ее требованиям, в нем акцентируется влияние события на установление порядка в государстве. Развитию темы служат различные системы образов [4, с. 242].

Постепенно в литературе эпохи Корё зарождаются формы, которые лягут в основу жанров на родном языке в последующую эпоху. Так, по мнению ряда исследователей, один из наиболее популярных поэтических жанров на родном языке эпохи Чосон (1392–1897) — *каса* 歌辭 восходит корнями к многострочным стихотворениям Корё (песням эпохи Корё, буддийским песням *помпхэ* 梵唄 или объемным образцам поэзии на *ханмуне*) [см., в частности: 8].

Упомянутые явления обозначают переход к последующему периоду — эпохе Чосон, на протяжении которой они получают развитие, в частности, в связи с обстоятельствами времени.

Как можно видеть из приведенных примеров, в эпоху Корё закрепляется место каждого типа литературы в системе словесности. Так, государственная сфера постепенно оказывается в ведении литературы на *ханмуне*. Литература на китайском языке — прежде всего официальная литература. Литература же на корейском языке со временем выходит за пределы государственного ритуала и начинает соотноситься со сферой частной жизни человека. Между тем родной язык и традиционная связь с ритуалом обуславливают большую «укорененность» текстов в лоне родной культуры, влияние фольклорных текстов. Эти процессы составляют основные особенности литературы эпохи Корё. В то же время определенные черты закладывают основы для новых тенденций, которые будут характеризовать следующий этап развития корейской литературы.

3. Эпоха Чосон (1392–1897)

В первое столетие эпохи Чосон (1392–1897) при государе Сечжоне (1397–1450; гг. правления 1418–1450) была изобретена корейская письменность *хангыль* 한글. Основной целью ее создания было упорядочивание чтения китайских иероглифов, что соответствовало языковой политике Сечжона, [9, с. 141–142]. Кроме того, в разработке системы письменности — инструмента для записи текстов — можно усмотреть попытку оказать ритуальную поддержку новой династии.

Новый алфавит используется для распространения конфуцианского канона в переводе на корейский язык среди широких слоев населения. При помощи *хангыля* записываются также собственно корейские произведения конфуцианского характера. На корейском языке была написана ода, восхваляющая правящую династию, появляются панегирические жанры на родном языке (讚歌 찬가 *чханга*, 頌歌 송가 *сонга*). Об активном внедрении *хангыля* как о политике государя говорит и тот факт, что автором одного из произведений на родном языке выступает сам правитель³.

³ История Дальнего Востока знает несколько примеров значительного влияния личности правителя на развитие литературы. Один из них — период правления Цянлуна (прав. Цин в 1736–1795), рассматривается в [10].

Активное развитие литературы на родном языке проявляется и в формировании новых поэтических жанров, которые в дальнейшем приобретут широкую популярность: небольшие стихотворения *сичжо* 시조 時調, поэмы-*каса* 가사 歌辭. Смена династий способствовала развитию в литературе темы верности своим убеждениям, нерушимости связей между старшим и младшим — теме, которая традиционно рассматривалась в литературной традиции на родном языке [11]. Тем не менее поэзия на родном языке активно воспринимает принципы китайской образности. Использование китайской образности, обращение к китайским именам или аллюзии на события китайской истории как к знаку определенной ситуации становятся распространенным художественным приемом. Различие наблюдается и в системе образов, обозначенных словами китайского происхождения и обозначенных исконно корейскими словами. М. И. Никитиной было произведено сравнение двух типов образов из поэзии *сичжо* 時調 XVI–XIX вв., которое показало, что «китайские» и «корейские» образы ведут себя в тексте по-разному, встречаются в разном лексическом окружении⁴.

В поэзии на корейском языке формируется целое пейзажное направление — «поэзия рек и озер». В текстах этого направления проявляется восходящее к древним корейским представлениям понимание пейзажа как воплощения состояния облика старшего. В свою очередь, поэтический текст нередко направлен на его поддержание, на укрепление связей подданного и государя, защиту старшего от недостойного окружения или даже от старости — список примеров, раскрывающих восходящее к древности восприятие текста как источника благотворного влияния на действительность, можно продолжать⁵.

Отдельного внимания заслуживает процесс постепенной замены корейских понятий китайскими, получивший развитие в эпоху Чосон. Он может проявляться в наделении новым значением тех или иных элементов: например, в поэзии на родном языке раннего периода важное место занимало хвойное дерево (кедр), которое символизировало «старшего», в то же время в поэзии эпохи Чосон в жанре *сичжо* кедр исчезает, появляется сосна как символ «младшего». Кроме того, в текст включаются понятия, связанные с китайской традицией, например преданность *чхун* 충 [11]. Распространенным приемом становится включение в сочинение китайских имен и названий, которые вызывают ассоциации с определенной ситуацией, а также цитат из стихотворений китайских авторов.

На восприятии произведений, написанных на родном языке, сказалось отношение к корейской письменности как к низкой, как письменности для простолюдинов, особенно развившееся после гонения на корейский алфавит (XVI в.)⁶. *Хангыль* стали называть «вульгарным письмом», «женским письмом». Соответственно, считалось, что достойнее сочинить произведение на китайском языке, престижнее обладать книгой, написанной по-китайски.

⁴ Подробнее см.: [12].

⁵ Примечательно, что в Корее восходящее к архаичному слою культуры восприятие роли слова не оформилось в какое-либо конкретное течение, как это произошло, например, в китайской литературе: фу гу — движение за возвращение к древности. Один из примеров влияния взглядов последователей движения на изображение событий в стране в литературе — популярный сюжет об отношениях танского правителя Сюань-цзуна и наложницы Ян Гуй-Фэй. Особенности его осмысления в контексте представлений о ритуальном назначении текста посвящена статья [13].

⁶ Подробнее о периодах восприятия корейского алфавита см.: [9, с. 332].

При этом в процессе развития корейской поэзии на родном языке появились произведения, которые со временем были признаны шедеврами. Их авторы: Чон Чхоль 鄭澈 (1536–1593), Юн Сондо 尹善道 (1587–1671), Пак Илло 朴仁老 (1561–1642) — писали как по-корейски, так и по-китайски, но вошли в историю как крупнейшие мастера словесности в первую очередь благодаря творчеству на родном языке. Эту тему обсуждал в своем эссе выдающийся литератор XVII в. Ким Манчжун 金萬重 (1637–1692) [14].

В поэзии Позднего Чосон (приблизительно XVIII–XIX вв.) литературные жанры на родном языке, которые традиционно считались «высокими» (*сичжо*, *каса*), вышли в широкие читательские слои, что повлекло за собой изменения в области тематики, метрики, образности. Одним из следствий расширения читательской аудитории стало вовлечение в сферу поэзии на корейском языке повседневных сцен, картинок из городского и сельского быта. Все больше поэтических произведений относятся к числу анонимных.

В поэзии на корейском языке формируются тексты «нового типа» (например, «длинные *сичжо*» или «музыкальные *каса*»), отличающиеся от классических и по форме (метрически), и по содержанию (расширение тематического диапазона). Следует отметить определенный процесс изменения китайской системы образности, нетипичное употребление метафор и т. д. Китайские персонажи, которые традиционно включаются в текст как знак определенной ситуации или воплощение тех или иных качеств, часто представлены в тексте нехарактерно для прежних периодов. Новые тексты оказываются между классической литературной и фольклорной традициями, испытывают заметное влияние народной песни.

В XVIII в. появляется музыкально-драматический жанр *пхансори*, на родном языке. Отличительной чертой *пхансори* является исполнение одним актером, представляющим вниманию зрителей развернутую сцену, в которой может быть несколько персонажей. Сюжетной основой этих песенных сказов служат популярные сюжеты народного творчества. Примечательно, что многие сюжеты, которые сначала распространялись как *пхансори* в исполнении бродячих актеров, легли затем в основу повестей *чон* на корейском языке. В XIX в. *пхансори* входит в литературу как часть творчества литераторов, например Син Чехё 申在孝 (1812–1884) [3, с. 234].

Развитие в эпоху Чосон получает и литература на *ханмуне*, которая обращается к новым жанрам. Нестабильная ситуация в стране сказалась и на тематике текстов. Многие литераторы эпохи Чосон были активными участниками политических событий и пострадали за свою позицию — оказывались в ссылке, некоторые лишались жизни. Как и в эпоху Корё, поэзию на китайском языке отличает большое разнообразие тем — от патриотической темы до любовной лирики. Политическая тема также получает развитие: в творчестве на *ханмуне* часто выражается отношение поэтов к происходящему в стране. Одним из распространенных приемов является иносказание — включенные в текст символы, аллюзии на определенные события китайской истории открывают сведущему читателю критическую позицию автора.

Одним из выдающихся поэтов, сочинявших на китайском языке в период Позднего Чосон, можно назвать Ким Сакката 김삿갓 (1801–1863). Его творчество отличается «словесная игра», когда стихотворения строятся на нетипичном обыгрывании китайского знака. Иногда понимание стихотворения возможно только при прочтении

иероглифов в корейском переводе [3, с. 215–217]. Такое вольное обращение с иероглифом не соответствует правилам китайского стихосложения, выходит за рамки литературной традиции.

Тема выбора пути: служение государству или отказ от активной социальной позиции и уход на лоно природы — важна и для прозы на *ханмуне*. В качестве примера можно привести произведения Ким Сисыпа 金時習 (1451–1493), в которых буддийский взгляд автора, в свое время оставившего службу в знак протеста против действий «недостойного» правителя, получил выражение в представлении о том, что истинная реальность находится за пределами профанического мира. Все произведения, которые по форме можно отнести к развлекательной прозе, заканчиваются уходом главного героя из мира людей. Обращение прозаических произведений к теме смысла жизни — своего рода реакция на социальные потрясения, которыми ознаменовалась эпоха Чосон.

Размышляя о проблемах общества, авторы используют разные формы. Среди произведений, посвященных этой теме, на протяжении эпохи Чосон можно выделить аллегорию, имеющую структуру исторического сочинения, социальную утопию, неофициальную биографию.

Выражая свою точку зрения, авторы ссылаются на события из истории, которые могут послужить аргументом в пользу их позиции. Примером могут служить сочинения Лим Че 林悌 (1549–1587), помеченные даосским мироощущением автора. Размышлению на тему роли человека в нестабильном мире посвящены произведения, в которых действующими лицами выступают, в частности, знаменитые исторические личности. Лим Че обращается к событиям как китайской, так и корейской истории.

В эпоху Чосон активно развивается проза *ихэсол*, расцвет которой приходится на XVI–XVII вв. Героями *ихэсол*, наряду с вымышленными персонажами, часто выступают реальные исторические фигуры [3, с. 140]. Появляются развернутые повествования, посвященные судьбам, героев которые оказались в сложных обстоятельствах в связи с событиями в стране (правление жестокого государя, нападение маньчжуров).

Особое явление в литературе эпохи Чосон представляет собой роман. Появление романа в корейской литературе связано с именем Ким Манчжуна — ведущего литератора XVII в., сочинявшего также поэзию и прозу малых форм. Два написанных Ким Манчжуном романа (один на корейском языке, второй на китайском) принадлежат к двум разным типам: «социальный роман» и «роман-сон», которые впоследствии лягут в основу развития этого вида литературы в корейской прозе.

Два типа романа занимают «вопросом социальной гармонии и местом человека в мире» [15, с. 167–168]: в «социальном романе» на первое место выдвигаются проблемы семьи и общества, в «романах-снах» развивается мысль об иллюзорности земной жизни человека и его мирских устремлений.

Соответственно двум типам романа формируется и два типа героев. В первом случае — герой, в любых обстоятельствах сохраняющий причастность образцу, заданному конфуцианской традицией; во втором — обращенный в свой внутренний мир [15, с. 167–168]. Так, в двух типах романа рассматривается два типа жизненного пути личности: жизнь в обществе, государственная служба или отказ от карьерных устремлений, путь самосовершенствования.

К характерным чертам развития литературы Позднего Чосон можно отнести образование новых форм в рамках традиционных жанров [3, с. 209]. Наглядным примером служит формирование популярной прозы на родном языке — повести *чон* 傳, в которой прослеживается структура классической конфуцианской биографии. Произведения, написанные в этом жанре, можно разделить на два основных типа в соответствии с представленными в них типами героев — «социальных» и «асоциальных» [16, с. 121]. Таким образом, проза по-прежнему предлагает читателю две модели поведения как два основных варианта жизненного пути.

Как следует из рассмотренных выше примеров, в отличие от предыдущей эпохи в прозе эпохи Чосон появляются произведения на родном языке. В определенном смысле в прозе объединяются две традиции: и романы, и повести сочиняются как на китайском, так и на корейском языках.

В XIX в. развивается новый вид литературы — драма на китайском языке. Примечательно, что сюжетную основу драма может заимствовать как из китайской литературной традиции, так и из литературы на родном языке [3, с. 237].

В целом отличительной чертой литературы эпохи Чосон можно назвать взаимопроникновение традиций литературы на родном языке и на *ханмуне*. Многие авторы пишут на обоих языках. Несмотря на сохранение сложившегося в эпоху Корё понимания роли каждого из типов литератур, и литература на китайском языке, и литература на корейском языке оказываются охваченными сходными процессами, некоторые из которых становятся предвестниками перехода литературы от традиционной к новой, формирования течений, которые получают развитие уже в литературе современной.

* * *

Выше были рассмотрены отличительные черты литературы в соответствии с историческими периодами, которые служат основанием для выделения периодов в истории литературных процессов: раннего периода — периода Трёх государств (57 г. до н. э. — 918) и Объединенного Силла (668–918) эпохи Корё (918–1392), эпохи Чосон (1392–1897).

Подводя итог сказанному, можно отметить, что рассмотрение периодизации корейской литературы в связи с двумя важными ее особенностями показало обоснованность деления корейской литературы на периоды, соответствующие периодам историческим. Крупные исторические события не происходят спонтанно, являясь частью постепенного процесса изменения общества. В свою очередь, этот процесс находит выражение в особенностях литературы, тесная связь которой с жизнью общества обусловлена спецификой характерных для корейской культуры представлений. С нашей точки зрения, ранее предложенный отечественными исследователями подход, исходящий из принципов изображения человека, также не противоречит династийному принципу, по крайней мере применительно к корейской литературе. Как было показано, мир человека в пространстве литературы формируется не в отрыве от обстоятельств каждого исторического периода.

Литература

1. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Периодизация средневековой корейской литературы // Народы Азии и Африки. № 1. С. 106–118.
2. История Всемирной Литературы. Т. 1–5. М., 1983–1985, 1987, 1988.
3. Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 323 с.
4. Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982. 328 с.
5. Никитина М. И. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран / сост. и ред. В. П. Никитин. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 560 с.
6. Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чживона. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 304 с.
7. Троцевич А. Ф. Предисловие // История цветов. Корейская классическая проза: пер. с ханмуна / сост., вступ. ст. А. Троцевич; коммент. Д. Елисеева, Л. Меньшикова. Л.: Художественная литература, 1990. 656 с.
8. 류연석. 한국가사문학사. Лю Ёнсок. История литературы *каса*. Сеул: кукхак чарёвон, 1994. 539 с.
9. Концевич Л. Р. Мир «Хунмин чонгыма». М.: Первое марта, 2013. 586 с.
10. Митькина Е. И. Поэтический сборник цинского поэта Хуан Цзинжэня «Ляндансюань»: история создания // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2013. Вып. 1. С. 83–89.
11. Никитина М. И. Сичжо и хянга. Проблемы взаимосвязи (на примере пейзажной поэзии) // Теория жанров литератур Востока. М.: Наука, 1985. С. 22–44.
12. Никитина М. И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сичжо. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 312 с.
13. Сторожук А. Г. История Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй в танской литературе: выбор между долгом правителя и личным счастьем // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 2. С. 168–173.
14. Троцевич А. Ф. Корейская документальная художественная проза супхиль — «Вслед за кистью» (краткий обзор) // Корея. Сборник статей «К восьмидесятилетию со дня рождения профессора М. Н. Пака». М.: Муравей, 1998. С. 357–362.
15. Троцевич А. Ф. Корейский средневековый роман. М.: Наука, 1986. 200 с.
16. Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М.: Наука, 1975. 264 с.

Статья поступила в редакцию 26 декабря 2013 г.

Контактная информация

Гурьева Анастасия Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель;
nastyagur@hotmail.com

Guryeva Anastasia A. — Candidate of Philology, senior lecturer; nastyagur@hotmail.com